

Г. Джаукян

О первых попытках применения сравнительного метода в истории армянского языкознания

1

В литературе по истории армянского языкознания укоренился взгляд, что впервые применили сравнительный метод к изучению армянского языка немецкие ученые Виндишманн (1811—1861) и Петерманн (1800—1876). Первый из них в 1836 г. написал работу „Место армянского языка в арийской семье языков“, где на основании сопоставления некоторых грамматических окончаний и слов армянского языка с соответствующими окончаниями и словами иранских языков пришел к выводу, что „армянский язык так относится к санскриту и зенду, как новоперсидский, или как романские языки—к латинскому“¹. Работа Виндишманна была опубликована в 1846 г., спустя десять лет после написания.

Первой печатной работой о принадлежности армянского языка к индоевропейским, в частности к их индоиранской ветви, считается „Грамматика армянского языка“² Петерманна, вышедшая в 1837 г. и сокращенно переизданная в 1841 и 1872 гг. В отличие от Виндишманна, который был не арменистом, а востоковедом, любителем восточных древностей, Петерманн изучал армянский язык у венских мхитаристов и был неплохим арменистом.

Он, независимо от Виндишманна, но зная, конечно, армянские источники, сравнил больше ста армянских слов с санскритскими, персидскими, греческими, латинскими, а также,—не до конца оценивая приводимые факты, не строго подходя к звуковым соответствиям и, как Виндишманн, не различая заимствованные слова от слов, имеющих общее происхождение,—со словами неиндоевропейских языков. На основании данных Петерманна Диффенбах в 1843 г., в рецензии на книгу Петерманна, признал принадлежность армянского языка к индоевропейским.

¹ Grundlagen der Armenischen im arischen Sprachstamme, nachgewiesen von Dr. Fr. Windischmann, Abhandl. d. J. c. d. k. Bairischen Akademie der Wissensch., IV Band., II Abt, 1846.

² H. Petermann, Grammatica linguae armeniacae, Berolini, 1837.

Во втором издании своей сравнительной грамматики¹ Бопп, на основании данных упомянутых авторов и собственного изучения, ввел армянский язык в круг индоевропейских языков. Мысль о принадлежности армянского языка к индоевропейским, к их индо-иранской ветви, стала общепризнанной. Позднее, строго следуя звуковым соответствиям, Гюбшманн доказал, что армянский язык в кругу индоевропейских языков является самостоятельной ветвью, что и было принято в научном мире.

Вот краткий обзор первых попыток применения европейскими учеными сравнительно-исторического метода к изучению армянского языка.

Об этом можно сказать следующее:

1) Сравнительное изучение армянского языка в Европе начинается с 1836—1837 гг., причем первая печатная работа появляется в 1837 г.

2) Сравнительный метод применительно к армянскому языку с самого начала имел существенные недостатки, вследствие чего на долгое время была утверждена ложная мысль о том, что армянский язык является языком индо-иранской ветви. В частности, недостатки эти проявились в недостаточно строгом подходе к звуковым соответствиям, в неясном отграничении слов общего происхождения от слов заимствованных, в сравнении армянского языка также и с такими языками, которые не являются индоевропейскими, в недостаточной историчности при оценке результатов сравнения и т. д.

3) Первые европейские ученые, применившие сравнительно-исторический метод к армянскому, были знакомы с армянскими источниками, с грамматиками и словарями армянского языка, имеющими уже некоторую традицию сравнения, а Петерманн прошел курс армянского языка под руководством армянских ученых, хорошо знавших о существовании лексических и грамматических совпадений между армянским и другими языками.

2

Разработка грамматических вопросов у армян начинается еще в V в. Как показывают новейшие исследования, в V в. был переведен с греческого языка известный труд представителя александрийской грамматической школы Дионисия Фракийского „Τεχνη γραμματικη“ („Грамматическое искусство“). Переводчик, в соответствии с особенностями звуковой системы и грамматического строя армянского языка, внес изменения в текст перевода и сделал несколько добавлений (изменение классификации звуков, внесение шестого—творительного падежа, добавления к классификации частей речи и т. д.). В этих изменениях и добавлениях наиболее важны два момента:

¹ *Fr. Bopp, Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Send, Armenischen, Georgischen, Lateinischen, Litauischen, Altislavischen, Gotischen und Deutschen, II Aufl., Berlin, 1856—1861.*

1) Известно, что классификация согласных звуков у греков не имела единого принципа: при делении согласных звуков на группы учитывалась не только артикуляция данных звуков, но и их функция в слогах, так как в греческом языке слоги могут иметь на исходе только следующие согласные: λ, μ, ν, ρ, σ. В армянском слоги могут оканчиваться на любой согласный звук, и поэтому переводчик, отбросив второй принцип, ввел единый принцип классификации согласных звуков — принцип физиологической классификации. Это в дальнейшей армянской лингвистической традиции приобретает очень важное значение для осознания закономерностей звуковых соответствий, а также для выделения диалектных разновидностей слов.

2) Среди глаголов греческого языка, в первом лице настоящего времени единственного числа имеющих окончание -ω с предшествующим острым ударением (γράφω, τέρπω и т. д.), Дионисий выделял группы в соответствии с звуковым характером предшествующих окончанию согласных, причем он учитывал не только отдельные звуки, но и сочетания звуков (πτ, χτ). Переводчик, исключив сочетание звуков, оставил только отдельные согласные звуки, распределив их по артикуляционным признакам: 1) ρ, ρ', ρ'', ρ''', 2) φ, φ', φ'', φ''', 3) ψ, ψ', ψ'', ψ''', 4) χ, χ', χ'', χ''', 5) θ, θ', θ'', θ''', 6) ρ, ρ', ρ'', ρ''', 7) δ, δ', δ'', δ''', 8) γ, γ', γ'', γ''', 9) ζ и 10) дифтонги и гласные. Согласные, входившие в одну и ту же группу, назывались *ῥῥῥῥῥ* „сопряженные“. В дальнейшем учение о „сопряженных“ звуках у армян применяется в этимологии, в орфографии, а также в диалектологии — для выяснения звуковых соответствий между словами разных диалектов. Так, например, один из первых толкователей переводного текста Дионисия (имя толкователя неизвестно: условно называют Анонимом) указывает, что слово *ρωρηλη* звучит в диалектах как *ψωρηλη*, *φωρηλη* (ρ || ψ || φ).

У переводчика есть также намек на звуковые соответствия между словами разных диалектов, применительно к гласным и дифтонгам. Так, например, слово *ρωω* „иду“ дается также в разновидностях *φωω* и *ψωω*, т. е. переводчик указывает на соответствие ω || φω || ψω в произношении разных диалектов.

Таким образом, классификация согласных по единому физиологическому принципу и установление групп „сопряженных“ согласных, гласных и дифтонгов делают возможным: а) в этимологии и орфографии опираться на звуковые соответствия; б) искать закономерные соответствия также между диалектными разновидностями слов.

Только в целях этимологии используется у армян также учение о так называемых „двойных буквах“. Если у греков такими „буквами“ считались аффрикаты и сочетание звуков, выраженные одной буквой (ζ, ξ, ψ), то у армян такими считаются либо аффрикаты, либо простые согласные, в этимологических разновидностях слов соответствующие двум согласным (ср. *ϕϕ* „буква“ и *ψψ* „элемент“), причем значение „двойных“ согласных иногда менялось в соответствии с наличием разных этимологических дублетов.

3

В X—XI вв., в эпоху расцвета армянской средневековой культуры, с пробуждением интереса к своему собственному наследию и к эллинистической культуре, становится предметом ревностного изучения также и грамматика, которая преподается в школах, вместе с другими „светскими“ дисциплинами. Один из виднейших деятелей армянского средневековья — Григорий Магистр Пахлавуни, который читал лекции в Бджнийской и Таронской „академиях“, составляет „Толкование грамматики“, где обобщает все то, что было сделано до него армянскими грамматиками, добавляя много собственных наблюдений.

Будучи многосторонне развитым человеком, владея несколькими языками (греческим, арабским, персидским и др.), — Магистр уделяет много внимания этимологии. Как известно, этимология в античную эпоху включала в себя много ненаучного и произвольного. Античные авторы не уделяли почти никакого внимания языкам окружающих народов, считая их языками „варваров“. У армян, живших в разных исторических условиях, было другое отношение к окружающим народам и их языкам, что дало возможность Магистру правильное осознать некоторые языковые явления и разработать теорию заимствований. Этимология у него освобождается от произвольных толкований и получает научную основу. Он же впервые дает правильную этимологию ряда заимствованных слов.

В своем труде Магистр требует осторожности в вопросах этимологии. В частности, он считает неправильным этимологизировать все слова, исходя из данных только одного языка. В связи с этим он выделяет две группы слов: слова собственные и слова заимствованные.

Последние могут быть этимологизированы на основании данных только того языка, из которого они заимствованы. Правильная этимология в данном случае затрудняется тем, что многие из этих слов стали для народа такими же, как собственные, и „кроме ученых, многие другие не знают этого“. В качестве примеров он приводит заимствованные слова *փակեղն* „орарь“ из греч. *φακελος* „пучек“ (новогреч. *φακίδι* „косынка, головной платок“), *կաղամաշ* „чернильница“ из греч. *καλαμαριον*, *սուրբ* „вид одежды“ из перс. *sudra* и др. О последнем слове он тут же замечает, что армяне, переняв многие виды одеяния от соседних народов, усвоили также слова, употребляемые для обозначения этих видов, и приводит другие примеры — частично персидские, частично арабские, заимствованные армянами через персидский. Одновременно он приводит и слова *տաղան* „бассейн“, *լուսաղան* „палка, посох, жезл“, *խորաղան* „батог, бич, кнут“, правильно указывая на их персидское происхождение. Отмечая, что количество таких заимствований в армянском очень велико и что окружающие народы также заимствовали слова из армянского, он приходит к выводу, что знание других языков — необходимое условие для достоверной этимологии: „Если подобные слова кто-нибудь этимологизирует, то допустит весьма крупную ошибку. Много раз мы видели, как этимологизировали такие

[слова, заимствованные] из других языков наши [соотечественники] и даже люди, считавшиеся за мудрецов: и это — от незнания языков¹.

В связи с этим перед Магистром встает важный вопрос: как выяснить, который из языков, имеющих данное слово, заимствовал из другого? Для выяснения этого вопроса Магистр дает два важных указания: во-первых, слово заимствуется вместе с обозначаемым предметом, поэтому нужно выяснить, у какого из данных народов впервые появились обозначаемый предмет и понятие о нем; во-вторых, следует выяснить, который из данных языков дает возможность этимологизировать данное слово, т. е. раскрыть первичный характер понятия, связанного с восприятием явления или вещи. Так, например, слово *մածու* „мацони, простокваша“ бытует у армян и у греков, однако это слово в греческом языке заимствовано из армянского, так как, объясняет Магистр, „греки, научившись от армян готовить мацони, называют тем же именем, не зная этимологии этого слова, т. е. не зная, что „мацони“ (*մածու*) сгущено (*մածուի է*), поэтому так и называется“².

Учение о заимствованиях у Магистра не ограничивается этим; он обращает внимание еще на одно очень важное обстоятельство: при выяснении происхождения слова следует иметь в виду, что заимствованное слово часто подвергается видоизменению в соответствии с произносительной спецификой заимствующего языка или диалекта. В связи с этим он приводит примеры заимствованных слов из греческого, грузинского языков, показывая случаи замены несвойственных им звуков другими.

Магистр обращает внимание также на способы выражения одних и тех же грамматических понятий в разных языках. Говоря о выражении падежей в армянском языке только посредством изменения окончаний, он противопоставляет армянский греческому, где падежи выражаются не только окончаниями, но и изменениями артикля, причем такую разницу в выражении одних и тех же понятий он не считает ни достоинством, ни преимуществом одного из языков.

Отношение к языкам других народов, как к равноправным, присуще последующим армянским авторам XII — XV вв. Вартан, автор XIII в., в своей „Всемирной истории“ пишет: „Как разнообразные цвета и возрасты, так и разнообразные языки придают друг другу красоту“³. Характерно, что в этот период усиливается интерес к окружающим языкам. В армянских рукописях сохранились своды алфавитов разных народов⁴, характеристика их произносительных особенностей, а также попытки классификации языков.

Вартан вносит новую деталь в теорию заимствований. Он указывает на то, что одно и то же заимствованное слово иногда бытует в

¹ *Ս. Ածուց*, Дионисий Фракийский и армянские толкователи, Петроград, 1915, стр. 229.

² Там же, стр. 228.

³ *«Մեծիկն Վարդանայ, Բարձրրեղգցոյ Բամբուքիւն տիեզերական»*, 1862, էջ 16:

⁴ В одной из них был открыт алфавит кавказских албанцев. Ср. проф. А. Шанидзе, Новоткрытый алфавит кавказских албанцев и его значение для науки, Тбилиси, 1938.

звуковых разновидностях, причем для таких дублетов он приводит примеры слов, заимствованных или в разные периоды, или из разных языков. Чтобы найти закономерный характер между разновидностями заимствованного слова, Вардан прибегает к учению о „сопряженных“ и „двойных“ согласных (ср. примеры *Արաար* и *Արաար*, *Շմանն* и *Սրճանն* и др.).

Иоанн Ерзинкаци, автор XIV в., учение о „сопряженных“ звуках приводит в стройную систему. Он дает 6 применений этого учения, в том числе — в этимологии, диалектологии и правописании: в первом случае он имеет в виду слова, одинаковые по происхождению и различающиеся по сопряженным звукам; во втором случае — звуковые соответствия между словами разных диалектов; в третьем случае — омофоны, имеющие разное написание, и орфографические дублеты.

4

У авторов XVIII в. и начала в XIX в. в учении об общих, для разных языков словах появляется новая черта. Если раньше в словах, общих для армянского и других языков, выделяли только заимствования, то в этот период в грамматических трудах и словарях начинают говорить о двух слоях таких слов. Первым ученым, указавшим на это, был Мхитар Себастици (1676 — 1749), автор двух капитальных трудов по армянскому языку: „Грамматики армянского языка“ и 1-го тома „Словаря армянского языка“ (в работах по словарю принимали участие также и его ученики — члены конгрегации).

В предисловии к словарю, написанном в 1749 г. на смертном одре, Мхитар уделяет большое внимание вопросам этимологии, собственно говоря — вопросу общих для разных языков слов.

Имея в виду господствующее мнение, он полагает, что неискушенный читатель словаря будет в недоумении, заметив что не все „заимствованные“ слова имеют соответствующие пометки. По этому поводу Мхитар замечает, что слова, общие для разных языков по звуковому оформлению и по значению, можно разделить на две группы.

1) Первый слой таких слов составляют те, которые, по мнению Мхитара, нельзя считать заимствованными. Поводом к выделению подобных слов для него служили следующие соображения: во-первых, эти слова являются первообразными (*ճալր-րաւք*, буквально: „словаматери“), и „каким бы бедным ни был язык, сам по себе имеет такие“¹; во-вторых, такие общие слова можно найти в языках, которые в историческое время не находились в тесном контакте друг с другом. К подобным словам Мхитар относит, например, следующие слова армянского и латинского языков: *լոյս* — lux, *դու* — tu, *ի նանիր* — Inanis, *սաւ* — pavis, *լաւ* — lava (повелительное наклонение), *տաւ*, *տաւ* — do, das, *իմ*, *ես* — sum, es и др. Не говоря о том, что, кроме неправильного сближения *ի նանիր* — Inanis, все остальные этимологические сопоставления в даль-

¹ «Բառոցիրք հայկազնան լեզուի», Ա, 1749, էջ 91

нейшем полностью подтвердились, очень важно отметить еще одно обстоятельство: Мхитар замечает не только словарные совпадения, но и совпадения грамматические — соответствия между формами спряжения:

do — <i>տամ</i>	sum — <i>եմ</i>
das — <i>տաս</i>	es — <i>ես</i>

Мхитар указывает на наличие общих слов также для армянского и греческого, для армянского и персидского и т. д., хотя в этих случаях в указанных им словах в дальнейшем оказалось много заимствованных.

В связи с этим перед Мхитаром встает важный вопрос: как объяснить существование таких общих слов? Казалось бы Мхитар, будучи католическим деятелем, все это должен был объяснить существованием библейского праязыка. Однако он, упоминая об этом, склоняется к другому объяснению. Он считает, что такие совпадения имеют случайный характер: „При наличии у всех народов многих тысяч разновидностей произношения слов встречаются в них многие созвучные, что можно доказать следующим образом: если кто-нибудь прикажет двум лицам создать по сто новых слов, то будет видно, что многие из них окажутся созвучными, несмотря на то, что словотворцы — представители разных национальностей. В частности это — признак того, что первоначально все народы были одноязычными“¹. Далее он объясняет, что „созданные богом языки“ (NB: не язык), как и всякие вещи, должны были иметь и „общие и различающие черты“.

2) Вторым слоем общих для языков слов Мхитар считает заимствованные. Здесь он приводит большое количество заимствований в армянском из древнееврейского (*գեննն, նաւթ, շարաթ, սատանայ, սարաւորթ* и т. п.), из персидского (*դահ, ոահ, շիշակ, սալար, շահաստան, շահպալուտ, շատրուան, փարսախ, մահիկ* и т. п.), из арабского (*ճթխալ* и т. п.), из греческого (*կաթողիկոս, դրմոս դիոս, կաթեդր, կաթողիկոս, լովտ, պրէսլուսմէ, սաղմոս, տոկոսիք, օրթի* и т. п.).

В большинстве случаев Мхитар правильно указывает на заимствованный характер и источник этих армянских слов. Хуже обстоит дело со словами, которые Мхитар считает заимствованными из армянского в сирийском, пехлевийском, турецком и т. д. Эти слова впоследствии оказались, напротив, или заимствованными армянским языком, или случайными совпадениями. Однако нельзя не отдать должное Мхитару в том, что он соблюдает большую осторожность в окончательном решении этого вопроса. Он отмечает, что в данном случае, во-первых, основывается на указаниях словарей этих языков и, во-вторых, учитывает то, что эти слова в армянском языке являются „основными (*գլխաւոր*, буквально: „главными“) словами, из которых происходит много сложных, производных и сопряженных слов“². Но и этими доводами Мхитар не считает вопрос исчерпанным. Окончательное

¹ «Բառոցիբր Նախագեան լեզուի», Ա, էջ 9:

² Там же.

разрешение вопроса о происхождении того или иного слова и о причине наличия общих для разных языков слов Мхитар считает делом будущего.

5

Учение об общих для армянского и других языков словах поднимает на новую ступень Георг Дзир Палатаци (1737—1812).

Этот талантливый ученый-самоучка владел десятком языков, в том числе турецким, персидским, арабским, латинским, греческим и др.

Среди его многочисленных работ наиболее важны грамматика персидского языка и персидско-армянский словарь. Грамматика так и не была издана, оставшись у частных лиц, и у нас нет возможности говорить о ней, хотя, учитывая особенности словаря, можно с уверенностью сказать, что она была незаурядным трудом.

Персидско-армянский словарь Георга Дзира является одной из лучших лексикографических работ по персидскому языку. В словаре содержится лексика персидского языка начального периода: арабские заимствования встречаются только в тех случаях, когда они употреблялись у классических авторов. Одно обстоятельство умаляет ценность работы: у автора персидское написание слов следует за их армянской транскрипцией, причем слова расположены в армянском алфавитном порядке. Труд Георга Дзира вышел посмертно в 1826 г., с грамматическим очерком и незначительными орфографическими изменениями Акопа Тюзяна.

Ценность этой работы не исчерпывается словарным материалом. В конце словаря автор сопоставляет 433 армянских и персидских слова и словообразовательных суффикса под следующим характерным заглавием: «Сопоставление одинаковых по значению и подобных по звучанию слов, общих у персов и армян; из них указанные звездочкой—собственно персидские, остальные — без разбора (*անխորհր*) заимствованные (буквально: «взяты друг у друга»), причем нелегко установить, какое слово какому народу присуще»¹.

Число слов, отмеченных звездочкой, т. е. заимствованных армянским языком из персидского,—78. Из остальных—8 слов считаются заимствованиями из греческого (*պրիֆն*, *կանոն*, *մանուգան* и т. д.), одно слово—из древнееврейского (*քերտփրէ*). Таким образом, остается 346 слов, вопрос происхождения которых Георг Дзир считает пока неразрешимым. Дальнейшие исследования, в особенности исследования Гюбшманна и последующих арменистов, показали, что многие из слов, отмеченных Георгом Дзиром, имеют общеиндоевропейское происхождение и являются доказательством индоевропейского характера армянского языка. Это было очень важным шагом в истории изучения

¹ «Բառարան պարսեկերէն ըստ ստորոտ հայերէան ալբաներէնի ի Գէորգայ Դարէ Տէր-Յովհաննիսեան Չախատայոյ», ի Կոստանդնուպօլիս, 1826, էջ 711:

армянского языка. В числе таких слов можно указать на следующие: *ճան* — dandan, *արտար* — ars, *բար* — bar, *դար* — dar, *ամ* — am, *հափն* — haft, *ծար* — zar, *ձանկն* — zanu, *մար* — mādar, *մի* — ma, *մանձան* — māndan, *մուճ* — muš, *մոր* — mōr (mōrča), *նավ* — nav, *նար* — nar, *ջարմ* — garm, *ճահ* — dah, *ճան* — dandan, *ջար* — čahar и т. п.

Таким образом, Георг Днир фактически различает три слоя общих слов: 1) слова, заимствованные одним из сравниваемых языков из другого, 2) слова, имеющие третий источник, и 3) слова, о заимствованном характере которых говорить очень трудно. При этом надо отметить, что автор не прибегает для объяснения последних слов ни к библейскому праязыку, ни к положению о случайности таких совпадений.

Очень важно указать на два обстоятельства:

1) Количество сравниваемых слов несравненно больше, чем у Петерманна. Таким образом, никак нельзя считать Петерманна первым автором, говорившим об общих для армянского и иранского языков словах. Этого нельзя делать особенно потому, что Петерманну был хорошо известен труд Георга Днира.

2) Георг Днир в одном случае идет дальше Петерманна и Виндишманна. Если последние не отличают слова, заимствованные из персидского, от слов, о которых нельзя с уверенностью сказать как о заимствованных, — то Георг Днир делает и это. Таким образом, он превосходит и мысль Гюбшманна, который, немного позже выделив иранские заимствования в армянском языке и отличив их от общиндоевропейских, доказал, что армянский язык является самостоятельной ветвью индоевропейских языков.

6

Следующим автором, который вслед за Мхитаром и независимо от Георга Днира говорил о двух слоях общих слов, — был Габриел Аветикян (1750—1827). В „Армянской грамматике“¹, вышедшей в 1815 г., за год до появления первого труда Боппа, Аветикян предостерегает от поспешных выводов о заимствованном характере того или другого слова, а также от слишком упрощенных попыток этимологии. Он, как и Мхитар, различает два вида общих слов: 1) слова заимствованные и 2) слова, которые берут начало от общего праязыка. Мысль о незаимствованном характере последних слов он обосновывает тем, что, во-первых, эти слова выражают необходимые для всякого языка понятия и, во-вторых, имеются в языках народов, не общавшихся в историческое время: „Если слово находится в языках с одинаковым или подобным звучанием и обозначает обычную вещь, нужно быть осторожным в решении вопроса заимствования, ибо каким бы небогатым ни был язык, он все же должен иметь подобные слова. Так, например, *լուս* (свет), по-латински называется lux, luce, *կին* (жена) —

¹ Գ. Աւետիկյան, Քերականութիւն հայկական, Վենետիկ, 1815:

по-греч. *θύρη, θύρα* (дверь) — по-греч. *ἄνθρωπος* (муж, мужчина) — по-турецки *er*, по-греч. *ἄλλος* (год) — по-лат. *annus*, *alius* (другой) — по-греч. *ἄλλος*, по-лат. *alius*. Подобно этим есть и другие имена и глаголы, которые имеются у разных народов, — слова, необходимые для речи, и трудно поверить, чтобы их один язык заимствовал из другого, в особенности, когда этими словами с древних времен пользуются народы, далекие друг от друга, не имеющие общения друг с другом. О таких словах остается заключить, что они являются остатками первого смешанного языка, оставшимися в разделившихся языках в разных произношениях народов¹.

Тот же Аветикян (1750—1827) вместе с Мкртичем Авгеряном (1744—1855) и Хачатуром Сюрмеляном (1751—1827) составил известный двухтомный „Новый словарь армянского языка“². Работа над словарем производилась в 1784—1834 гг., причем двое из авторов умерли в 1827 г. и не приняли участия ни в окончательной отделке, ни в подготовке к изданию словаря. Первоначально словарь был рассчитан на большой объем, однако из-за отсутствия достаточных средств издание такого огромного труда оказалось невозможным. В словаре дается, кроме объяснений, также и этимология слов и их перевод на греческий, латинский, персидский, арабский, турецкий языки, причем авторы преследуют и этимологическую цель: перевод дается главным образом в том случае, когда это помогает выяснению первоначального значения или происхождения армянского слова; составляет исключение только турецкий язык, слова которого приводятся чаще, чтобы армяне, живущие в Турции, могли пользоваться словарем.

Многие этимологии, приведенные в словаре, до сих пор сохраняют свою научную ценность. Количество неправильных этимологий очень мало, и они лишь немного умаляют ценность словаря в целом. В отличие от предшествующих авторов, авторы этого словаря иногда дают и санскритские формы, конечно только в этимологических целях; так, например, под словом *մայր* даются персидская, санскритская, греческая, латинская формы, с прямым указанием на их „сопряженность“, т. е. общее происхождение. Таким же образом под словом *մայր* приводятся соответствующие слова и указывается на их „сопряженность“.

Ясно, что после того, как имелся под рукой такой словарь, дело Петерманна было не из трудных. Петерманн жил у мхитаристов, учился у них и, конечно, был знаком со словарем.

7

В 1806 г. учитель армянского языка Парижской школы живых восточных языков Шаан-Джрпетян напечатал объявление о том, что

¹ Չ. Աւետիկեան, Քերականութիւն հայկական, էջ 314—315:

² «Նոր բառազօրր հայկազեան լեզուի», Վենետիկ, Ա.—Բ., 1836—1837:

он готовит грамматику армянского языка, которую издал только в 1823 г. „Грамматика армянского языка“ Шаана-Джрпетяна, несмотря на многие недостатки, имеет и свои достоинства. У автора нашел яркое выражение двойственный подход к вопросу этимологии. Под „этимологией“ (étymologie) автор подразумевает произвольное толкование слов по этимологической „теории“, идущей еще из античного мира и нашедшей свое выражение у многих армянских авторов. Эту „теорию“ он применяет к словам, которые считает исконными словами армянского языка. Однако Шаан-Джрпетян отличает „этимологию“ слов от „происхождения, передачи и смены слов“ (l'origine, la transmission et l'alternation des mots). Если под „этимологией“ он подразумевает произвольное изменение слов для нахождения „этимона“ слова, его „истинного значения“, то в другом случае автор имеет в виду общность: а) по происхождению и б) по „передаче“, т. е. по заимствованию. Все слова армянского языка автор по происхождению и „передаче“ делит на три группы:

1) „Слова местные и исконные“ (mots idiotiques et indigènes), в числе которых рассматриваются слова как древнеармянские, так и новоармянские (в том числе и диалектные), не имеющие параллелей в других языках.

2) „Слова чужеземные и гетерогенные“ (mots exotiques et hétérogènes), которые армяне заимствовали из турецкого, пехлевийского, новоперсидского, греческого и др. в результате „политических, религиозных, литературных и коммерческих“ отношений. Многие заимствованные слова, особенно те из них, которые не имели соответствий в армянском,— получили широкое применение, дали много дериватов. Здесь автор говорит также и о калькированных словах.

3) „Первоначальные слова“ (mots originels), общие для армянского и других языков, однако не заимствованные, а „исконные“. „По всей вероятности,— пишет автор,— они принадлежат одному первоначальному языку или первоначальному народу, который дал начало другим“¹. Такие слова, по словам автора, „обозначают движения человеческого сердца, физические и моральные качества, наиболее необходимые предметы“². Тут же он приводит много армянских слов, общих по происхождению с греческими, латинскими, санскритскими, персидскими, кельтскими, а также и с семитскими и турецкими словами. Особенно поразительными считает автор совпадения между такими армянскими и латинскими словами, как: հայր (отец) — pater, մայր (мать) — mater, Էղբայր (брат) — frater, քույր (сестра) — soror, Էղբայր (супруга) — uxor.

Шаан-Джрпетян говорит также и об общности некоторых грамматических формантов. Так, например, он указывает на общность форман-

¹ J. Ch.-Cirbied, Grammaire de la langue arménienne, Paris, 1823, p. 706.

² Там же.

та множественного числа армянского и немецкого: арм.— *իր* (*րաւիր* „слова“) и нем.— *er* (ср. *Wörter* „слова“), что при тогдашнем уровне знаний казалось вероятным.

8

Почти одновременно с Петерманном и Виндишманном на индоевропейское происхождение армянского языка указал также основоположник новоармянской литературы Хачатур Абовян (1809—1848). В 1837 г., в конце „Новой теоретической и практической грамматики русского языка для армян“, Абовян дает краткий указатель слов, общих для армянского и русского языков, а также для армянского, французского и немецкого языков, причем количество сравниваемых армяно-русских слов больше, чем у Петерманна.

В отличие от предшествующих армянских авторов, Абовян был знаком с работами Боппа, Гримма и др. и написал свою работу, вполне сознавая ее цель: „Надеясь привлечь внимание современных археологов и языковедов, которые стараются вывести происхождение разных народов из одного племени на основании общности их языков,— в конце книги прилагаю список слов одинакового значения и одинакового звучания, находящихся в обоих языках, а также в немецком и во французском, каковые в бесчисленном количестве найдет тот, кто будет иметь время и обеспеченное состояние“.

Список общих слов у Абовяна имеет ряд недостатков: не учитываются звуковые закономерности, не отличаются заимствованные от исконных слов, однако, во-первых, эти недостатки присущи всем авторам, применявшим сравнительный метод в начальный период, во-вторых, большинство сравниваемых слов правильно, как, например, имена числительные, местоимения, формы глагола „быть“, слова, показывающие родственные связи (*իրն* — жена, *դուստր* — дочь — нем. *Tochter*) и др. (*լսել* — слушать, *սիրտ* — сердце, *ձմեռն* — зима и т. п.).

Таким образом: 1) Абовян почти одновременно с Петерманном и вполне сознательно указал на принадлежность армянского языка к индоевропейским; 2) в отличие от предшествующих армянских авторов, а также и от Петерманна и Виндишманна, которые не приводили данных о связях армянского языка со славянскими языками, Абовян доказывает принадлежность армянского языка к индоевропейским именно этим путем; 3) Абовян является основоположником сравнительного изучения армянского и славянских языков.